

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-174-185

УДК 81'322.5

АДАПТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО МЕХАНИЗМА В СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Измайлов А.З., Абдуллаева З.Р., Багдасарова И.Ю.

Коммуникативный процесс, выявляющий характер и сущность языковой личности, продолжает оставаться одним из самых актуальных вопросов прикладной лингвистики. Для выяснения особенностей индивидуального языкового проявления в контексте речевого взаимодействия необходимо, в первую очередь, определить те условия, которые способствуют достижению речевого равновесия между участниками диалогического общения. Новизна предлагаемой статьи заключается в том, что механизм языковой адаптации рассматривается в соотношении с адаптогенным (фоновым) состоянием самой коммуникативной среды (ситуации) и коммуникативными намерениями речевых оппонентов. Выводы работы заключаются в определении трех основных факторов, так или иначе влияющих на движение адаптивного языкового механизма в направлении достижения равновесного положения всех участников речевого процесса, а именно: благоприятный эмоциональный фон диалога, речевая статусность участников и вариативное использование ими экспрессивно-вербального потенциала.

***Цель.** Предлагаемая вниманию статья рассматривает термины «субъективно-личностная вариативность» или «коммуникативная компетентность» с точки зрения экспрессивно-вербального потенциала говорящего. Авторы статьи ставят целью выяснить особенности проявления адаптивных языковых возможностей речевого субъекта в постоянно меняющихся условиях коммуникативного процесса.*

***Метод или методология проведения работы.** Проводимый в работе анализ языкового материала базируется на индуктивном*

методе анализа: от конкретных языковых фактов к установлению системных взаимоотношений между ними и формулированию на этой основе теоретических положений и выводов.

Результаты. Результатом работы является переосмысление понятия «субъективно-личностной вариативности», данного Б.Ю. Норманом, в контексте диалогической ситуации. Выясняется сущность процесса адаптации при спонтанном взаимодействии коммуникантов, направленном на передачу исходного смысла. Авторы выводят понятие адаптогенности речевой ситуации как одной из важнейших условий проявления адаптивности речевого субъекта и определяют ее основные параметры.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительного материала при изучении курсов: «Языкознание», «Теория языка» и «Психолингвистика».

Ключевые слова: механизм речевой адаптивности; субъективно-личностная вариативность; адаптогенность речевой ситуации; социально-коммуникативная среда; речевая статусность; речевая толерантность; речевая агрессия.

LANGUAGE MECHANISM ADAPTABILITY IN SOCIAL COMMUNICATIVE ENVIRONMENT

Izmailov A.Z., Abdullaeva Z.R., Bagdasarova I.Yu.

The communicative process, being capable of revealing the nature and essence of the language persona, continues to be one of the most pressing issues of applied linguistics. In order to determine the characteristics of the individual language manifestations in the context of verbal interaction, it is necessary to define the conditions that contribute to achieving speech balance between dialogue counterparts. The novelty of the article is that the mechanism of language adaptation is considered in relation to the adaptogenic (background) state of the communication environment (situation) itself and speech opponents' commu-

nicative intentions. The conclusion of the study includes determination of three major factors, that one way or another affect the movement of the language adaptive mechanism towards the equilibrium position of all the speech process counterparts, namely: a favorable emotional background of the dialogue, the participants' speech status and their variable use of expressive verbal potential.

Purpose. *The study considers the terms 'subjective-personal variability' or 'communicative competence' from the point of view of the speaker's expressive-verbal potential. The authors are aimed to determine the characteristics of the way the speech subject's adaptive language capabilities manifest themselves in ever-changing conditions of the communicative process.*

Method and methodology of work. *The analysis of the linguistic material is based on an inductive method, i.e. the analysis of particular language facts followed by establishing the system of relations between them and further formulation of theoretical propositions and conclusions.*

Results. *The concept of 'subjective-personal variability', proposed by B.Ju. Norman, gets its reinterpretation in the context of dialogue situation. It is the essence of the adaptation process in terms of the spontaneous interaction of communicants, aimed at transferring of the original meaning, that is found out. The authors derive the concept of adaptogenic characteristic of the speech situation as one of the most significant conditions for the manifestation of adaptability of the speech subject and determine its basic parameters.*

Practical implications. *The results of the study can be used as a source of additional material while teaching linguistics, theory of language, psycholinguistics.*

Keywords: *speech adaptability mechanism; subjective-personal variability; adaptogenic characteristic of the speech situation; social-communicative environment; speech status; speech tolerance; speech aggression.*

Возможности проявления языкового механизма в социально-коммуникативной сфере являются практически неисчерпаемыми. В одной из работ Б.Ю. Нормана свойство адаптивности языкового

механизма, обусловленное его экспрессивно-вербальным потенциалом, обозначается как «субъективно-личностная вариативность» или «коммуникативная компетентность» и включает следующие основные характеристики: 1) наличие индивидуального запаса разнообразных лингвистических и экстралингвистических приемов для актуализации когнитивной, эмоционально-экспрессивной и прикладной функций коммуникации; 2) ситуативно-адаптивное варьирование средствами коммуникации в процессе реального диалогического общения; 3) корректировка нормативности высказывания с учетом действующих правил речевого этикета [6, с. 147].

Указанное определение ключевого понятия Б.Ю. Норманом представляется нам наиболее адекватным в контексте настоящего исследования, поскольку отражает изменчивую сущность коммуникативного процесса, который, в свою очередь, отражает существенный характер многоуровневых и неоднозначных взаимоотношений между языком и социумом.

Реализация речевой адаптивности (как способности) в контексте спонтанного диалога, предполагает некие ограничения семантического свойства (умаление исходного смысла для целей быть наиболее адекватно и точно воспринятым собеседником), что, в конечном итоге, не может не накладывать отпечаток на полную и озвученную финальную структуру [12, с. 123]. Триггерным фактором, запускающим механизм речевой адаптивности в его самых разнообразных проявлениях, является сама речевая ситуация, ее адаптогенность, или, другими словами, уровень ее стрессовости. Чем выше уровень адаптогенности речевой ситуации, тем ярче проявляется способность (или отсутствие таковой) языкового субъекта к моделированию глубинной (базовой) речевой конструкции.

Речевая адаптивность как характеристика речевого субъекта складывается из трех основных составляющих: 1) коммуникативно-вербальной; 2) эмоционально-волевой и 3) компетентностной. Выделить преимущество какого-либо одного из названных компонентов не представляется возможным по той простой причине, что в зависимости от конкретной речевой ситуации указанные компонен-

ты могут играть доминантную либо субординативную роль. Скорее следует отметить, что для достижения устойчивого речевого статуса в окружающей коммуникативной среде необходимо сбалансированное наличие в субъекте всех трех компонентов [3, с. 12].

Что касается речевой статусности участников диалогического общения, то она проявляется как в количественном (квантитативный), так и в качественном (эмоционально-экспрессивном) аспектах. Количественный (квантитативный) аспект отражает объем речевого высказывания каждого из коммуникантов, в то время, как качественный (эмоционально-экспрессивный) отражает выполнение целевой установки диалога (разумеется, при наличии последней). В том случае, если характер взаимодействия коммуникантов не способствует запуску механизма речевой агрессии, можно говорить о толерантности в архитектонике данного диалога (диалогической ситуации) [13, с. 78]. Речевая толерантность может представлять собой результат усилий обоих коммуникантов или одного из них по преодолению назревающей конфликтной ситуации как, например, в следующем примере:

“Winslow had suddenly awakened from his dream. That braid that bound his decent black coat – it was a trifle loose – caught against the catch of the shop door, and was torn away. This suddenly turned his wretchedness to wrath. ...then with a spiteful clutch tore the braid looser, and went in to Minnie.

“Here,” he said with infinite reproach; “look here! You might look after a chap a bit.”

“I didn’t see it was torn,” said Minnie.

“You never do,” said Winslow, “until things are too late.”

“Minnie looked suddenly at his face. “I’ll sew it now, Sid, if you like.”

“Let’s have breakfast first,” said Winslow, “and do things at their proper time.” [10, p. 23]

Участник диалога (Winslow) находится в подавленном состоянии и используя незначительный повод (tearing away the braid of his coat), готов демонстрировать аффективное речевое поведение по отношению к другому участнику (Minnie). Реплика Минни (в особен-

ности последняя) направлена на ослабление возможной конфликтной ситуации. Технически это достигается выражением намерения выполнить действие по исправлению ситуации (*I'll sew it now*), прямого обращения (*Sid*) и вводной преференциальной конструкции, используемой по отношению к собеседнику (*if you like*). Уровень адаптогенности продемонстрированного отрывка достаточно низок и этот факт позволяет решить ситуативную речевую проблему минимумом речевых средств (Минни использует только одну конструкцию). При этом необходимо отметить сохранение общего позитивного эмоционального фона диалога (об этом свидетельствует последняя приглашающая фраза Сида) и сохранение речевой статусности участников.

Развитие диалогической ситуации, часто происходит по инициативе одного из участников (активного коммуниканта), в то время как у другого (пассивного коммуниканта) есть выбор по определению собственной позиции, как к предмету разговора, так и к личности говорящего (т.е. активного коммуниканта). При этом определяющим фактором для достижения конструктивного общения является именно личностное взаимоотношение участников. Приведем пример:

«Ральф вдруг шагнул к нему:

– Я же тебе велел. Я велел тебе список составить.

– А как? – орал в неистовстве Хрюша. – Один то я как?

Они две минутки посидели и в море посигали, по лесу разбежались, все подевались куда-то. Откуда же я разберусь-то, который кто?

Ральф провел по белым губам.

– Значит, ты не знаешь, сколько нас тут должно быть?» [2, с. 231].

Пассивный коммуникант (*Хрюша*) изначально занимает субординативную речевую позицию (низкий речевой статус). Он вынужден оправдываться и для этого использует широкий арсенал имеющихся в его распоряжении речевых средств: повторяющихся конструкций, риторических вопросов, эмоционально-усилительных слов. Коммуникативная задача *Хрюши* заключается в том, чтобы доказать свою невиновность в создании ситуации, и он достигает ее, о чем свиде-

тельствует последняя фраза Ральфа, которой он как бы нейтрализует эмоциональное состояние своего оппонента. Адаптогенность данной ситуации выше, чем в предыдущей и, следовательно, требует от ее участников использования больших средств для своего разрешения, тем не менее, и в данной ситуации конфликта удастся избежать. При этом большая инициатива в разрешении речевых задач принадлежит активному оппоненту.

Когда участники речевого диалога являются представителями разных социальных слоев и, соответственно, имеют разный уровень вербального интеллекта (высокий уровень адаптогенности речевой ситуации), задача создания речевого равновесия еще более усложняется. При этом выполнение такой задачи может осознаваться только одним из участников (при отсутствии намерения уравновесить ситуацию обеими участниками диалога просто не получается). В качестве наглядного примера подобной речевой ситуации мы использовали отрывок из пьесы «Что случилось в зоопарке» Э. Олби., участниками которой являются два человека. Коммуникативной целью инициатор диалога, Джерри, является самовыражение и самоутверждение. Он – активный коммуникант и, соответственно, задает тему и тональность разговора:

«Джерри (молча смотрит на Питера, пока тот, смущенный, не поднимает на него глаза). Может, поговорим? Или вам не хочется?»

Питер (с явной неохотой). Нет... отчего же.

Джерри. Я вижу, вам не хочется.

Питер (кладет книгу, вынимает трубку изо рта. Улыбнувшись). Нет, право же, я с удовольствием.

Джерри. Не стоит, раз вам не хочется.

Питер (наконец решительно). Нисколько, я очень рад.

Джерри. Это, как его... Сегодня славный денек.

Питер (без всякой надобности воззрившись на небо). Да. Очень славный. Чудесный.

Джерри. А я был в зоопарке.

Питер. Да, кажется, вы уже говорили... не правда ли? [8, с. 201].

Его оппоненту, Питеру, приходится не просто быть пассивным слушателем, но и реагировать ожидаемым образом. Питер, является не просто, выходящим из другого класса, но и речевым антагонистом Джерри. Темы, навязываемые Джерри, не воспринимаются Питером на глубинном уровне. Сказанное может быть отнесено и к вербальному потенциалу Джерри (грубая, ненормативная лексика), которая также не находит речевого отклика у Питера. В результате взаимного непонимания и нежелания достигнуть речевого равновесия ситуация перерастает в конфликт и заканчивается гибелью одного из участников. Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм защитной языковой адаптации в данном случае не сработал.

Необходимо помнить также о том, что речевая статусность не всегда является прямым следствием социальной статусности. Другими словами, более высокое социальное положение одного из коммуникантов, не всегда тождественно обязательному преимущественному положению последнего в речевом акте. Речевое преимущество, безусловно, является следствием глубокого знания обсуждаемого предмета (компетентностный компонент) и экспрессивных речевых средств языка-участника (коммуникативно-вербальный компонент).

Говоря о проявлении в диалогической речи языковой адаптации нельзя обойти вниманием и такую форму субъективного речевого проявления как молчание [5, с. 81]. Последнее, по нашему убеждению, может репрезентировать акцентуированное отношение к собеседнику и в этом смысле часто представляется более красноречивым, чем любое из возможных высказываний [16, р. 102]. Для наглядности можно привести отрывок из Евангелия от Матфея, где Иисус говорит с Пилатом:

Иисус предстал перед наместником. «Ты “царь иудеев”»? – спросил Его наместник. «Так говоришь ты», – ответил Иисус.

Но когда старшие священники и старейшины стали обвинять Его, Иисус ничего не отвечал им.

«Ты что, не слышишь? – говорит Ему тогда Пилат. – Смотри, сколько против тебя обвинений!»

Но Иисус не сказал ни слова в ответ, чем очень удивил наместника [2, с. 1094].

Как видим из примера, молчание Иисуса предворяется фразой, которая, с одной стороны, показывает, что Пилат имеет право на собственное или навязанное окружающими мнение (проявление речевой толерантности), а с другой, обозначает речевую позицию Говорящего. Этот, поистине уникальный образец молчания, абсолютно лишенный эмоционального свойства (агрессии, антипатии и т.п.), коммуникативная цель которого состоит в том, чтобы показать бессмысленность продолжения разговора в заданном ключе.

Делая вывод, можно заключить, во-первых, что процессу развертывания адаптивного механизма речевого субъекта способствуют многочисленные факторы внешнего порядка (условия, в которых развертывается диалог), которые могут быть благоприятными или неблагоприятными для целей достижения ситуативного диалогического равновесия. Во-вторых, на указанный процесс влияет речевая статусность говорящих и состояние их взаимоотношений в момент речевого процесса. И, наконец, в-третьих, эффективность действия языкового механизма в каждом конкретном случае индивидуализируется экспрессивно-вербальным потенциалом каждого из участников, а также умением вариативно использовать данный потенциал для достижения поставленной задачи.

Список литературы

1. Антонов А.В. Информация: восприятие и понимание. Киев: Наукова Думка, 1988. 184 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., Российское Библейское Общество, 2012. 1407 с.
3. Голдинг У. «Шпиль» и другие повести. М.: Прогресс, 1981. 448 с.
4. Измайлов А.З. Языковая креативность личности: монография. Смоленск: Изд-во «Смоленская городская типография», 2011. 97 с.
5. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 171 с.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Издательство МПУ «Народный учитель», 2001. 282 с.

7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 351 с.
8. Олби Э. Смерть Бесси Смит и другие пьесы. М.: Прогресс, 1976. 307 с.
9. Ощепкова В.В. Образность в семантической системе языка. М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1989. 53 с.
10. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
11. Сборник рассказов американских писателей. М.: Международные отношения, 1978. 192 с.
12. Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта-Наука, 2005. 296 с.
13. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 286 с.
14. Banks K.L. Living English. London: Hodder, 1983. 282 p.
15. Charleston, Britta M. Studies on the emotional and affective means of expression in English. London. Oxford university press, 1979. 297 p.
16. Scovel T. Psycholinguistics. Oxford University Press, 2010. 135 p.

References

1. Antonov A.V. *Informacija: vosprijatie i ponimanie* [Information: Perception and understanding]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1988. 184 p.
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Holy Scriptures comprising the Old Testament and the New Testament]. Moscow, Russian Bible Society, 2012. 1407 p.
3. Golding U. «*Shpil'*» i drugie povesti [The Spire and other stories]. Moscow: Progress, 1981. 448 p.
4. Izmailov A.Z. *Jazykovaja kreativnost' lichnosti* [Person's language creativity]. Smolensk: Smolenskaja gorodskaja tipografija Publ., 2011. 97 p.
5. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vosprijatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk: UGU Publ., 1991. 171 p.
6. Neljubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Defining linguistic dictionary]. Moscow: MPU "Narodnyj uchitel'" Publ., 2001. 282 p.
7. Norman B.Ju. *Grammatika govorjashhego* [Speaker's grammar]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 1994. 351 p.

8. Olbi Je. *Smert' Bessi Smit i drugie p'esy* [The death of Bessie Smith and other plays]. Moscow: Progress, 1976. 307 p.
9. Oshhepkova V.V. *Obraznost' v semanticheskoj sisteme jazyka* [Figurality in language semantics]. Moscow: MOPI Publ., 1989. 53 p.
10. Pinker Steven. *Jazyk kak instinct* [The language instinct]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 456 p.
11. *Sbornik rasskazov amerikanskih pisatelej* [A miscellany of American stories]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1978. 192 p.
12. Sheljakin M.A. *Jazyk i chelovek. K probleme motivirovannosti jazykovoj sistemy* [Language and man. Revisiting the problem of language system motivation]. Moscow: Flinta-Nauka, 2005. 296 p.
13. Shtern A.S. *Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti* [Perceptive aspect of speech activity]. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1992. 286 p.
14. Banks K.L. *Living English*. London: Hodder, 1983. 282 p.
15. Charleston, Britta M. *Studies on the emotional and affective means of expression in English*. London. Oxford university press, 1979. 297 p.
16. *American English today: el (??): McGraw-Hill Book Company*7 (прошу перепроверить данные по источнику)16. Scovel T. *Psycholinguistics*. Oxford University Press, 2010. 135 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Измайлов Антон Зелимханович, доцент департамента «Антикризисное управление и финансы», кандидат филологических наук

Институт экономики и антикризисного управления

ул. Вавилова, 53, корп. 3, г. Москва, 117312, Российская Федерация

Arolan705@yandex.ru

Абдуллаева Зульфия Рагимовна, ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС (Московский институт стали и сплавов)

ул. Ленинский проспект, 4, г. Москва, 119049, Российская Федерация
zulya ru@mail.ru

Багдасарова Илона Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
Национальный исследовательский технологический университет МИСиС (Московский институт стали и сплавов)
ул. Ленинский проспект, 4, г. Москва, 119049, Российская Федерация
artameli@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Izmailov Anton Zelimkhanovich, Assistant Professor, Department of Anti-crisis Management and Finances, Candidate of Philological Sciences
Institute of Economics and Anti-crisis Management
53, Vavilova Str., 53, korpus 3, Moscow, 117312, Russian Federation
Arolan705@yandex.ru

Abdullaeva Zulfiya Ragimovna, Teaching Assistant, Department of Foreign Languages and Communicative Technologies
National University of Science and Technology MISIS (Moscow Institute of Steel and Alloys)
4, Leninskiy prospekt, Moscow, 119049, Russian Federation
zulya ru@mail.ru

Bagdasarova Iona Yurevna, Senior Teacher, Department of Foreign Languages and Communicative Technologies
National University of Science and Technology MISIS (Moscow Institute of Steel and Alloys)
4, Leninskiy prospekt, Moscow, 119049, Russian Federation
artameli@mail.ru